

ГЛАВА 1

ТЕРМИНАТОР

Солдату строить хочется,
Но только не свинарник,
Ему б своих товарищей
Застроить спозаранок.

Утро. Ясно и тихо. Солнечный лучик пробежался по подоконнику, затем перебрался на цветок, растущий в глиняном невзрачном горшке, перебежал на дужки кровати, спустился на чистый дощатый пол, а потом вновь поднялся вверх, вернулся к увядающему, несмотря на все старания его владельцев, цветочку, полюбовался на сиротливо торчащий листик, подивился тому, как такой тоненький стебелечек может держать столь значительный, размером с пятирублевую монетку, листок, и, как бы вспомнив, зачем же он влетел в комнату, бросился щекотать нос рядовому Валетову. Дверь в кубрик с треском открылась, и на пороге появился свежий и бодрый прапорщик Евздрихин.

— Эй! Ну-ка подъем! — выкрикнул он.

Народ недовольно зашевелился в люльках. Кто-то заметил, что дневальный еще не орал. Прапорщик за словом в карман никогда не лазил. У него на языке на всякое солдатское словечко вертелось три.

— Меня не волнует. Подрывайтесь, сыны!

Кто-то начал медленно и нехотя опускать ноги и шарить под кроватью, разыскивая тапки. Валетов ничего не слышал, но старания лучика даром не прошли. Неожиданно сквозь сон ему показалось, будто кто-то лазит у него в носу. Рука сама потянулась к лицу. Неволь-

но он вынырнул из-под покрывала сладкого сна и прислушался к шорохам, что наполняли воздух вокруг него.

Резко открыв глаза, Фрол увидел, как его сослуживцы вяло копошатся, натягивая на себя форму. О нем никто и не вспомнил. Обычно дневальный орал так, что поднимал на ноги весь этаж. Неужели он проспал подъем?

— Сколько время? — пробурчал слоняра, свешиваясь с верхней койки.

Спящий под ним Простаков уже сидел на кровати, натягивая сапоги.

— Чего дрыхнешь? — рявкнул он и поднялся во весь свой рост, оказываясь выше горизонтально лежащего хлипкого Валетова аккурат на свою башку.

— Че ты, че ты? — Фрол повелся вставать. — Встаю, встаю. А сколько время? Ты че, сказать не можешь?

Алексей почесал лоб, затем зад, потом взглянул на руку.

— О, вспомнил, я же не ношу часы.

— Ну, ты тормоз.

Валетов сиганул вниз и успел схватить за руку выходящего уже в коридор Резинкина.

— Витек, время скажи.

— Чего тебе надо? Без десяти шесть. В шесть комбат придет. Прапор, видишь, уже тут крутится.

Фрол огляделся и никого не увидел.

— Где?

— Да заколебал ты.

Особо никто не торопил, и взвод химзащиты медленно выползал в коридор, расклеивая глаза и прочищая пальцами уши, чтобы хорошо видеть и слышать командира батальона. На кой черт ему понадобились в шесть утра химки, никто не знал.

От деда Петра Забейко — высокого черноволосого и черноглазого парня с хохляцкими корнями, поднявшегося после ухода Кирпичева и Агапова, — делегатом

к прапорщику в каптерку был заслан Петрушевский. После непродолжительного разговора ефрейтор возвратился и доложил валяющемуся в койке деду о неведении товарища прапорщика касаясь замыслов ихнего местного бога товарища комбата Стойлохрякова.

Подразделение медленно строилось на взлетке, почесываясь и посапывая. Многие успели уже дойти до сортира и вернуться обратно и теперь стояли в ожидании. Евздрихин, пощипывая свои пышные усы, уже стоял перед строем и придирчиво оглядывал личный состав.

— Где Забейко с Казаряном? — спросил он у сержанта Батракова.

Дядя Женя оглядел строй, убедился в том, что прапорщик прав, и заглянул в кубрик. Оба деда как ни в чем не бывало лежали в своих люлях и вяло позевывали.

— Вы че, мужики? — сержант не собирался заставлять дедов подниматься, но все же напомнил о визите комбата, так как за его спиной стоял прапорщик.

— Пошел ты... — буркнул Казарян.

— Пошел ты... — эхом повторил Забейко.

Койки под обоими скрипнули, что должно было означать конец разговора.

В шесть ноль одну здоровенный подполковник ввалился на первый этаж казармы и вначале с удовольствием оглядел строй, затем, не увидев дедов, нахмурился.

— А где эти двое? — первым же делом спросил комбат.

Личный состав своего батальона он знал очень хорошо, а таких персонажей, как Казарян и Забейко, он желал наблюдать при каждом построении, ревниво наблюдая за тем, чтобы двое военнослужащих были на месте.

Прапорщик Евздрихин несмело подошел к огромной двухметровой туше и прошептал чуть слышно:

— Оба лежат.

— Какой ты после этого прапорщик, а? — тоже тихо,

так, чтобы стоящие в строю солдаты не слышали, ответил подполковник и сам прошел в кубрик.

Двое дедов стояли навтыяжку рядом со своими койками, одетые по всей форме и застегнутые на все положенные пуговички.

— Почему не в коридоре?

— А мы так поняли, что построение тут, — пробасил черный от загара Казарян.

— Не тут, а там. На выход.

Комбат протопал обратно, а солдаты покорно вышли из кубрика и заняли свое место в строю.

Батраков часто заморгал, не понимая, как за несколько секунд можно одеться. Ведь они только что лежали пластом и, казалось бы, не собирались подрываться сегодня вообще.

У Стойлохрякова была отчаянная сухость во рту после вчерашних посиделок с главой района Шпындрюком. Протопоп Архипович вчерась был в прекрасном настроении, много пил, много ел и перемежал салатки пошлыми анекдотами под тупое хихиканье своей супруги.

Подполковник все это терпеливо переносил, тем более что жрачка и выпивка у Шпындрюка никогда плохой не была. А вчера глава местной администрации праздновал осуждение одного очень наглого рэкетира, с которым ему невольно приходилось делить полномочия в управлении райцентром Чернодырье. Теперь его власть на вверенной ему территории становилась абсолютной. Больше мешать ему царствовать здесь не мог никто. Авторитетов не осталось. Радуюсь такому значительному в его жизни событию, Протопоп Архипович не жалел ни водки, ни закуски.

Глава администрации не был бы самим собою, если бы пригласил подполковника только для того, чтобы выразить ему благодарность за участие личного состава батальона в задержании того самого рэкетера. Он уже при-

думал новую задачу. Точнее, придумал он ее давно, а сейчас наступила пора осуществить желаемое. Кроме конюшни, где Шпындрюк держал пятнадцать лошадей, теперь он решил обзавестись еще и свинарником. Строительство данного объекта было начато местными алкашами, но, к сожалению, застопорилось после того, как вскрылись факты вопиющего воровства стройматериалов. Если нанимать нормальных мужиков, то это дорого. Поэтому, не жалея водки, маленький и лысенький Протопоп наполнял раз за разом стопку огромного комбата, разводя бодягу вокруг своей идейки по воспроизводству высококлассных свиней.

— Начнем с того, что выпишем производителя и матку хорошую. Дело пойдет на сто один процент.

— Так у вас же вроде бы есть свинарник? — не принимал комбат.

— Есть-то есть, — соглашался Шпындрюк. — Но то ж кооперативное, а это мое будет. Хочу развести, понимаешь, чтобы под Новый год там, на день рождения, юбилейчик какой всегда свои поросята были. Ведь ты не поверишь, я, хозяин всего района, вынужден каждый раз посылать человека и объяснять каждому встречному-поперечному, зачем мне этот поросенок нужен.

— Неужели так не принесут?

Комбат засунул в рот блин с черной икрой.

— Принести-то принесут, но ты понимаешь, как обидно — все время я в попрошайках, — мягкие холеные ручки переплели пальчики на животе. — Вроде как и положено. Не по закону, конечно, положено, а так, понимаешь, по старым русским традициям, и в то же время свербит меня. Вот есть у меня лошади. Сел я на эту лошадь и поехал. И никого не спрашиваю. Никому никаких ответов не держу. Все-таки свое, оно — свое. А когда тебе люди со всех углов несут, знаешь, — Шпындрюк хлопнул Петра Валериевича по мясистому плечу, — это не то.

— Ладно, — бурчал комбат. — Че надо-то? Ты уж не юли, говори.

— Да выделил бы солдатиков, а то как-то вот с алкашами-то этими сладу нет. Твои же все-таки молодые, чего им там? Пожрать? Пожрать я дам. Пусть тут живут. Угол есть.

— Где тут? — комбат часто заморгал. — Че, прямо в доме, что ли, поселишь?

— Смеешься. Я про свинарник говорю. Стены подняли под крышу в одном уголке. Пусть там и живут. Тряпки натянут — вот тебе и полупалатка-полудом. Не усмотрел. Ложить совсем не умеют, вместо того чтобы по периметру обвязывать, в одном месте навалили, сволочи. Как бы ломать не пришлось.

— А, — согласился подполковник. — Ты не забывай, что у них служба. А чего же за служба такая, если они у тебя тут в твоих хоробах (а у Шпындрюка был неплохой особнячок) будут с жиру-то беситься. Нет уж, пусть на воздухе. Ты когда собираешься свиней-то получать?

— Ой, да я уж выписал, — признался Протопоп Архипович. — Поэтому бы надо побыстрее.

— Ладно, ладно, — соглашался гость, не переставая поглощать водку и деликатесы.

Разглядывая сейчас своих подчиненных, комбат решал для себя задачу по выбору наиболее достойных для работ на свинарнике Шпындрюка. Будь он главой района, никогда бы никто и ни за что не заставил бы его еще и собственную скотину разводить. Ну, ладно, любовь к лошадям предположим, но свиньи-то, при том, что у кооператива, в который он входит, есть свинарник, есть свиньи у фермеров, так нет — он еще и свой собственный решил завести. Да еще каких-то там производителей выписал.

Хмурая брови, Стойлохряков стоял перед строем и разглядывал принадлежащий ему химвзвод. В то время, как три роты батальона были призваны из-за своей боль-

шой численности решать более глобальные задачи по хозяйству, это небольшое подразделение оставалось у комбата всегда про запас на случай возникновения вот таких вот нестандартных просьб: свиарник кому-нибудь построить или переехать кому-то надо, мебель перетащить, огород перекопать. Все эти дыры Петр Валериевич обычно затыкал химиками.

Для того чтобы обосновать выбор кандидатуры и отpravку на работу, необходимо было родить какую-нибудь причину. Этого можно в принципе и не делать, но так мотивация будет более весомой. Именно сейчас Стойлохряков рылся в своей голове и искал ту самую причину. За что бы зацепиться? Морщины на его лбу становились все более глубокими, а решение не приходило.

Почему ему сегодня с утра еще хочется думать и быть демократическим лидером? Ведь он вполне может ткнуть пальцем в этого, этого, этого — и все. Люди пойдут выполнять поставленную задачу. Он уже выставил вверх указательный палец и, подойдя к Казаряну, наконец переставшему оправлять свой китель, хотел было ткнуть пальцем ему в грудь и сказать, чтобы он самостоятельно отобрал пять человек для работы. Но тут комбат припомнил эпизод с воровством сантехники, которую они вместе с начальником штаба майором Холодцом выписывали из Самары для себя и офицерских семей в новый дом. Здесь без химиков не обошлось. Воровали не для себя — для туалета, который сам комбат приказал отремонтировать. Но воровство есть воровство. И необходимо после таких происшествий проводить воспитательную работу. Решение было принято.

— Так, — комбат подошел к самому здоровому солдату во взводе — Простакову. — Давай, Простаков. За тем, кто там еще был? Вот ты.

— Рядовой Резинкин, — отозвался Виктор на комбатовское «ты».

— И потом маленький у вас еще...

Петр Валериевич подошел к концу строя.

— Вот. Вот этот вот.

— Рядовой Валетов, — тут же отозвался Фрол.

— Это трое. И еще двоих.

Комбат подошел к двум дембелям, которые держались друг дружки на протяжении всей службы.

— Давай, Сизов, и ты, Ануфриев. Пойдете работниками вместе с вышеназванными. Итого пять человек. Петрушевский!

— Я!

— После завтрака машину «ГАЗ-66» к подъезду. Эти пятеро загружаются. Вместе с ними едет прапорщик Евздрихин. Он старший. Вопросы? Тихо. Хорошо, — без паузы произнес комбат и, напутствовав народ стандартным «далее по распоряжку», удалился с этажа.

Все выдохнули. Сегодня только понедельник и долбаная служба не успела пронять Стойлохрякова. В четверг, пятницу он будет уже залетать на этаж и орать на каждого встречного-поперечного. А сейчас еще ничего, в хорошем расположении духа, можно сказать. Лично зашел, попросил дедушек выйти построиться. Не каждый день такое случается.

Сизов с Ануфриевым были из тех людей, что никогда не старались стать по-настоящему дембелями, какими их привыкла, во всяком случае, рисовать фантазия авторов журнальных и газетных статей. Они были нормальными пацанами, которые держались друг за друга, ни к кому не приставали, никогда не напрашивались на неприятности и по большей части блюли режим. Единственная особенность, о которой, естественно, все знали во взводе, была любовь двоих корешей к травке, «колесам» и прочей дряни.

Ануфриев на правах старшего (ему домой на три месяца раньше, чем Сизову) сразу после завтрака по-

строил солдат в колонну по два и повел их к уже стоящей под парами «шишиге».

Наученный долгими годами службы, Петр Петрович Евздрихин никогда и никуда не торопился. Если ему говорили сделать сегодня, он делал завтра. Если говорили быть к девяти, он обычно появлялся на точке в половине десятого. Конечно, фильтровал, от кого приказы-то исходят. По большей части опаздывал — знал, что человек он в батальоне незаменимый. Прапорщики — это соль армии. А хорошие прапорщики — это уже перец. Не обрадовавшись тому, что солдаты очень быстро появились после завтрака перед машиной, Евздрихин поспешил пожурить Ануфриева:

— Олег, куда торопишься? Домой? Все равно раньше августа не отпустят.

— Первого августа, — уточнил высохший от постоянного употребления наркотиков дембель.

— Какие вы все умные, молодые! Куда от вас деваться, не знаю, — пожаловался на судьбу Евздрихин. — Полезайте, едем на объект.

Фрол долго копошился, преодолевая задний борт, и, наконец, миновал препятствие. Оглянувшись, он с завистью увидел, как Простаков забирается в кузов одним непрерывным сложным движением и плюхается рядом.

— Тише, гора, — шутивно вздрогнул Фрол. — Ты сейчас меня раздавишь.

— Я осторожно, — пробубнил Алексей, поглядывая на старшего, на Ануфриева.

А тому было на все наплевать, потому как рядом с ним уже сидел желтушный черноволосый Сизов, и оба о чем-то шептались, не обращая внимания на отслуживших всего по паре месяцев солдат.

Машина тронулась, и народ, предчувствуя выгрузку за пределами территории части, а также тяжесть в желудках после манной каши, был морально готов к труд-

ностям, которые неминуемо ожидали их. Солдат, как известно, на курорты не посылают.

В кузове им пришлось трястись недолго. Успели по сигаретке выкурить да побазарить чуток, как уже машина остановилась. Хлопнула дверь кабины. Откуда-то снизу раздался голос прапорщика:

— Вылезай!

Солдаты медленно, словно объевшиеся тюлени, стали вываливаться из кузова. Как оказалось, привезли их во двор, где недавно шло строительство какого-то хлева. Покосившись на здоровый двухэтажный дом, стоящий невдалеке, Простаков заметил:

— Добротная хижина, однако.

Евздрихин подскочил к нему:

— Это не хижина, чтобы вы все знали, это дом главы района. Поэтому постарайтесь обойтись без громких выступлений. Ведите себя нормально. Не подставляйте своего командира.

Ануфриев подошел к прапорщику и, глядя на него стеклянными, осоловелыми глазами, тихо произнес:

— Мы будем как мыши. Даже нет. Как земляные черви. Нас никто не услышит и не увидит.

Прапорщик скривился.

— Построились.

Когда отделение замерло перед ним, Петр Петрович проверил, на месте ли его усы, затем кивнул на начатую стройку:

— Вот объект. Будете дом свиньям строить.

— Это че? Сегодня на машине, а потом каждый раз топтать, что ли, я буду? — Сизов, будучи воином мудрым, прекрасно понимал, что каждый праздник имеет свое начало и свой конец. Так вот, похоже, праздник продолжался лишь в то время, пока их сюда везли. Теперь придется напрягаться, а его желтушной худосочной натуре покой нужен.

Володя с Олегом нашли друг друга полтора года назад и все свои мысли направляли лишь на то, как бы раздобыть себе очередной косяк, а если повезет, то и зелье со шприцами, с одноразовыми, а то СПИД, знаете ли. Каждый наркоман должен стремиться к культуре ввода средств в организм.

— Мужики, вы только не нойте. Вам, считай, повезло, — начал разрисовывать ситуацию прапорщик. — Будете жить прямо здесь. Жрачку вам будут сюда носить не из столовой. Домашнее хавать будете. Только работайте.

— И за сколько надо закончить? — с интересом произнес Резинкин, прикидывая, сколько же им тут обломится балдеть: ведь спать не в казарме, есть домашнее и работать, считай, не из-под палки, а так, вполуохотку. В армии это счастье. Только бы не сильно нагружали и не много требовали.

Прапорщик почесал за одним ухом, потом за другим, пожал плечами:

— Сроков никто не знает. Пошли посмотрим, что там и как.

Вблизи строительная площадка выглядела внушительно: бетонный фундамент примерно шесть на двенадцать был уже залит, кое-где начата кладка красным кирпичом, но самое интересное, что в одном месте стены уже стояли на высоте двух с лишним метров, а в другом их класть и не начинали. Там, где возведенное сооружение было повыше, кинули несколько нестроганых досок поперек, на это все положили кусок драного брезента, что, по замыслу Шпындрюка, было достаточно для молодых солдат. Лето в календаре. Не так и холодно.

Простаков с деловым видом осмотрел предназначенный для их обитания угол и нахмурился.

— Мы чего, товарищ прапорщик, тут будем?

Евздрихин скривился. Селить людей в таком месте — это уж даже не по-походному, куда хуже.

— И че, у нас и палатки не будет? — поддержал наступление товарища Резинкин.

— Мужики, — отступил Петр Петрович, — я не знаю. Мне сказали вас сюда отвезти. Вот кирпич, вон цемент, вон песок. Давайте ложите стены, а? Думаю, все же умеете ложить-то?

— Мы наложим, — утвердительно кивнул Ануфриев. — Сколько скажете, столько и наложим. А кто тут до нас работал?

— Не знаю, ребята, не знаю. Вы сидите пока, покурите, а через полчаса давайте начинайте тут движение, чтобы у нас никаких проблем не было. Глядишь, кто-нибудь к вам из хозяев подойдет, скажет, что надо там. Тыры-пыры. То да се. А я поеду, мне в парк машинный надо.

Евздрихин, подбежав к машине, прыгнул в нее, командовал ефрейтору Петрушевскому:

— Заводи! — и был рад-радешенек тому, что смотался с точки.

— Что-то мне здесь не по кайфу, — протянул Сизов, опускаясь на бревно.

Тут же с ним присел Ануфриев.

— А вы что смотрите, молодые? Я должен на бетонном полу спать сегодня? Давайте делайте кровати. Тряпку натяните как следует, чтобы сверху ничего не падало. Вон лопата есть. Все есть. Начинайте трудиться. Костер мне надо к вечеру. Или печку ищите какую-нибудь, я че, мерзнуть буду? — бубнил Ануфриев, погоняя.

Фрол не мог нарадоваться. Если бы на месте этого наркота сейчас был бы Казарян, то им пришлось бы здесь летать, как мухам. А этому, похоже, если не все равно, то на скорость выполнения своих поручений он смотрит через обколотое сознание.

С одной стороны, Резинкин был рад отвалить от деда Бори и от Петруся, вырваться, наконец, из машинного парка и заняться чем-нибудь другим, кроме железок.

С другой — он был обижен на комбата. Ведь он все-таки механик-водитель, белая кость, голубая кровь, почти авиатор. Как можно было его взять и вот так вот послать на стройку? Комиссия уехала, машины проверила, все у комбата хорошо. Теперь ему водители не нужны стали. Теперь он посылает знающих людей какие-то сараи возводить.

Фрол встал рядом с Простаковым и, задрвав голову кверху, стал нахально улыбаться, глядя в широкое плоское лицо.

— Че замер, детина, — призывно завыл Валетов. — Вся надежда на тебя.

— Чего это я один, что ли, тут буду строить? — стал отбрыкиваться гулливер.

— Ну, ты смотри, какой здоровый! Ты должен такие сараи за одну ночь возводить. Как в сказке, — не унился Валетов, начиная нарезать круги вокруг стодевяностодвухсантиметрового сибирского мужика.

— Одному несподручно, — уже менее настойчиво бубнил Алексей. — Тут работы много. У нас в деревне таких хлевов я что-то не припомню. Все мы больше из дерева делаем. А здесь вон кирпичный. Я ни разу-то кирпич и не клал. Все только с деревом, с бревнами.

Ануфриев оставил насиженное место на бревне.

— И че получается? Никто из нас ложить не умеет? Кто-нибудь имеет понятие о том, как раствор замешивать?

Солдаты стояли, глядя по сторонам. Кто смотрел на кучу песка, кто на цементные мешки, сложенные под навесом. Обычно бледный Ануфриев раскраснелся.

— Вы че, воины, до двадцати лет дожили, никто кирпич ложить не умеет? Основ кладки не знаете? И чего прикажете делать? Чтобы я вам тут рожал этот сарай, что ли?

Теперь уже все смотрели на Олега с интересом.

— Я че, вас учить должен? Нашему комбату даже в голову не пришло, что среди нас есть такие уроды, которые не знают, как раствор замешивать и кирпичи ложить.

Резинкин, в отличие от Простакова, жившего в деревне, и Валетова, призванного из города, в своем средней руки поселочке, напоминавшем Чернодырье, не раз помогал отцу возводить кирпичную стену то тут, то там, и с мастерком обращаться умел, и простенькую кладочку сделать. Знал, что такое отвес и уровень. Но сейчас благоразумно помалкивал и, как выясняется, делал это не напрасно.

У Ануфриева не выдержали нервы. Он признался сам себе, а по ходу и остальным, что владеет этим ремеслом.

— Уроды, — цедил Ануфриев, — просто уроды. Ты, здоровый, иди, вставай к ванне.

— Какой ванне? — не понял Леха, оглядываясь.

— Вон видишь корыто? Вначале давай его от остатков раствора отчищай. Лопату бери, хлюпик. Ты, водила, не лупай глазами. Давай, двигайся. Начинай носить кирпичи и расставляй их по пять штук через каждый метр. Сейчас цоколь заделаем. Надеюсь, е- мое, моя учеба вам пригодится. Домой приедете, сможете бабки зарабатывать. Давай, шевелись. Ты, мелкий, тоже не отставай, вместе с Резиной иди носи кирпичи. Время девять. До часу дня создаем видимость работы. Если нам пожарть не принесут, больше ничего делать не будем. Что-то я вообще не наблюдаю людей, готовых о нас, о несчастных, позаботиться.

Ануфриев огляделся, посмотрел на высокий забор, за которым скрывался двухэтажный дом, перевел взгляд на стоящие на почтительном расстоянии частные дома и отметил выбор места: до ближайших соседей от этого хлева не менее семидесяти метров. Иметь такой участок и не застроить его было бы глупо. Чем, похоже, сейчас и занялся этот глава района.

Олег подошел к продолжавшему сидеть на бревне Сизову.

— Поскольку мы здесь сами себе хозяева, может, смотаемся вечерочком по поселочку-то?

— Смотаемся, — согласился живо Володя. Его больные глаза блеснули, оба поняли друг друга без слов.

К двенадцати дня, с помощью нехороших слов и туманов, Олег Ануфриев добился от своих подчиненных немалых успехов. Он не только показал, как правильно класть кирпичи, но и успел вместе со своими сослуживцами положить пару десятков штук на свое место. При этом он не упускал возможности покритиковать предыдущих участников строительства и отзывался о них весьма нелестно. По его высказываниям выходило, что данную работу делали люди безрукие и безголовые.

Действительно, когда на одну из стен Простаков, по совету своего нового учителя, посмотрел со стороны, то он увидел, что кладка то уходит внутрь, то выдвигается наружу.

— Ничего, ломать-то, надеюсь, не заставят. К тому же это не мы делали, — с надеждой говорил Олег, касаясь пальцами выпуклого участка стены.

* * *

В двенадцать ноль три дембель скомандовал народу: «Садись, кури», пообещав всем, что никто ничего делать не будет до тех пор, пока к ним сюда хоть одна живая душа не выйдет и не посулит сытного обеда. Кроме того, неплохо было бы обзавестись еще одним куском брезента и печкой, иначе ночью им придется невесело, несмотря на предусмотрительно прихваченные с собою фуфайки.

Не успели как следует расположиться, вытянуть ноги и расслабиться, как открылась небольшая калитка в вы-

соком зеленом заборе и со стороны двухэтажного дома на стройплощадку вышел мужичок в синей спортивной куртке. Он быстро приближался к солдатам, импульсивно размахивая руками. Когда он приблизился, временно не служащие смогли рассмотреть его физиономию. Маленькие глазки под жиденькими бровями, небольшой острый нос, загнутый к верхней тонкой губе, маленькие, чуть торчащие в стороны ушки, четко очерченные скулы.

«Такие вряд ли нравятся женщинам, — тут же мелькнула мысль у Резинкина. — Какой-то он весь плюгавенький, жиденький».

Но, вопреки ожиданиям, плюгавенький и жиденький оказался горазд на то, чтобы поорать.

— Чего расселись? До обеда еще час. Давайте строить дальше, а то скоро свиней привезут. Куда их? Протопоп Архипович к себе в спальню поведет?

— Протопоп — это кто — поп? — спросил, улыбаясь, Ануфриев.

— Нет, дорогой мой. Протопоп Архипович — это глава района, — произнес жиденький человек. — Давайте, давайте.

— А что, в час обед будет? — не поверил Сизов.

— Будет, будет. Я, Михал Афанасьич, буду вас тут изредка патронировать. На случай, если вы совсем разленитесь. Надо отрабатывать жрачку-то.

— Так мы ее еще пока не видели, — Ануфриев сплюнул в сторону и уже серьезно посмотрел на Афанасьича.

— И за сколько, дядя, ты хочешь, чтобы мы тебе этот хлев сваяли? — развязно обратился Сизов, чем привел мужичка в бешенство.

— Ты, послушай, ты. Ты так со мной не разговаривай. Я, можно сказать, завхоз у Шпындрюка. Я тебе мозги-то быстро вправлю. Экий нашелся. Давай работай, нечего сидеть.

— Аллергия у меня, — простонал Сизов.

— Какая аллергия? — выкрикнул пришелец.

«Что-то быстро он взбесился, — подумал Простаков. — Вроде мужичок-то еще не старый, а уже так беленится».

— Аллергия у меня на работу, товарищ завхоз, — чуть бодрее ответил Вова и пожелтел еще больше против обычного, ожидая, видимо, резкого ответа.

— Ничего, я тебя вылечу, — заверил Михаил Афанасьевич, — малыми дозами. Сегодня немножко, завтра немножко...

— Так я немножко уже отработал.

— Молчи. Твое немножко — не мое немножко. В час дня я пару кастрюль принесу.

— Нам бы печку-буржуйку. А то как мы тут спать-то будем?

— Чего? Какую печку? — маленькие глазки вперились в Простакова. — Зачем тебе печка, лето на дворе. Досок вон наберете, напилите и спите. Это вам не в части. Здесь можно и до семи, и до восьми поспать. Только в восемь у нас, а точнее, у вас, рабочий день начинается. Это вы на завтра себе учтите. Нечего сидеть, вас сюда работать прислали.

Развернувшись, мужик пошел прочь и вскоре скрылся за забором. На его появление реакция была весьма сдержанная: трое из пяти его просто послали, а двое назвали мудаком. На этом все и закончилось. Перекур продолжался еще двадцать пять минут, а затем люди стали медленно и плавно шевелиться, делая вид, что работают. Обед был на носу, и уже никому не хотелось ковыряться.

Пища обещана была домашняя. Если это так, то, может быть, они еще и после обеда поковыряются, несмотря на аллергию Сизова.

В половине второго рейтинг завхоза Шпындрюка резко пошел вверх, так как он прислал не две кастрюли, а целых три, да еще и пакет. В одной было первое — на-

варистые щи. На второе предлагалось не что-нибудь, а картошка с нормальными, щедрой рукой нарезанными ломтями свинины. На третье — чай с сахаром. И также предлагался белый и черный хлеб на выбор.

Строители с благодарностью встретили появление завхоза в два часа, когда он пришел забрать посуду, которую предварительно, по указанию Ануфриева, пришлось помыть Валетову.

Взглянув на чистые кастрюли, завхоз довольно хмыкнул и сообщил удивительное:

— Больше посуду мыть не надо, ваше дело строить. Солдаты переглянулись.

— Так-так. Джентльмен с возу — товарищам полегче.

Вечером, абсолютно неожиданно, снова нагрязнул Евздрихин. Бросив взгляд на проделанную работу, не удержался и похвалил, сказав, что молодцы, он обязательно доложит комбату о том, как продвигаются дела. Привез каждому еще по одной фуфайке, большой рулон нового брезента, одеяла и, что самое удивительное, буржуйку. Простаков припомнил, что именно эти вещи заказывали завхозу они сами всего-навсего в обед. Выходит, не простой этот мужик — Михаил Афанасьевич.

Когда уже стемнело и народ обустроился между двумя стенами под навесом, жиденький мужичонка припелся снова. Внимательно осмотрел помещение, где обустроились солдаты, и поинтересовался, не надо ли еще чего.

Ануфриев быстро сориентировался:

— Неплохо было бы кроме этой работы еще какой-нибудь калым.

— Подкинут вам немного, успокойтесь, — буркнул Афанасьевич, — все служили, не только вы одни.

— А за что прежних-то отсюда поперли? — Сизов уже лежал на настеленных досках, положив одну фуфайку под голову.

Печка без дела не стояла, и в завешанном брезентом пространстве было тепло так, что накрываться больше не требовалось.

— Прежних? — Афанасьевич достал сигареты. У него их тут же стрельнули. — Работали тут мужички, из местных. Да слишком водку любят. Потом доски привезли. Видели, вон лежат во дворе. — Доски видели все, поскольку из этой же кучи и крышу получше себе сделали, и на пол постелили. Да и лежаки устроили. — Так вот, эта кучка была раз в десять больше. В одну прекрасную ночь эти выродки взяли и кому-то продали эти доски за бесценок, а сами перепились. Вот после этого Протопоп Архипович их и попросил отсюда, а еще и ни копейки денег не дал.

— Воровать отсюда проще простого, — согласился Сизов. — Че забор-то не поставили? Дорога под носом, подъезд хороший. Вы чего же тут, свиней будете держать, а забора не будет, что ли? Так у вас и свиней будут воровать.

— Не, забор тоже поставим. Обязательно. Это же Протопопа Архиповича участочек-то. Уж он-то средства найдет на то, чтобы здесь все обустроить.

— Да, ни фиги себе у него пространство будет. — Фрол даже вышел на улицу и вернулся, обозрев окрестности. — Прикольно вашему барину будет. Тут простор большой.

— Да, может, еще и курей заведет. Черт его знает. Ну да ладно, не наше это с вами дело — рассуждать о том, кто что желает. Если бы у меня были такие деньги, я черт его знает, на че бы их тратил. А этому вот свинарник подавай. Да не простой, а шесть на двенадцать, с бетонным полом, стенами из кирпича, с отоплением, светом. Свиньи будут жить не хуже людей. Сюда еще, не удивляйтесь, канализацию проведут, чтоб ихнее, извините, говно смыть. Это уже себе не каждый может позволить.

Поздним вечером ни у кого не было сил базарить. Все разлеглись на лежаках, быстренько позакрывали глаза и дали храпу. На свежем-то воздухе, а ужин не уступал по сытности обеду, все быстренько заснули.

* * *

Первым на следующее утро поднялся Простаков и вышел на улицу. Отливая на отдельно стоящее дерево, он крутил головой по сторонам, любуясь утренним пейзажем. В соседских домах уже начали дымить трубы, горланили петухи, изредка доносился лай собак. Сделав дело, Простаков повернулся и потопал обратно к их импровизированному жилищу и невольно бросил взгляд на кучу с кирпичами, решив прикинуть, сколько же они за вчерашний день сделали.

Вначале он не поверил своим глазам, припоминая ту гору красного кирпича, которая тут была навалена. Теперь же явно не хватало чуть ли не половины. Как они могли столько сделать за вчерашний день, он не мог себе представить. Подумав, что поработали не хило, Леха пошел на свое место и завалился спать дальше. Благо никто ему тут в ухо «подъем» не орал и строиться не заставлял.

Провалялись до половины восьмого, пока во дворе не раздался визг Михаила Афанасьевича.

— Уроды! Сволочи! Какие сволочи! — орал он на весь двор.

Взлетел к ним в палатку и закричал:

— Спите, уроды!

— А че такое? Че такое? — солдаты начали копошиться и подниматься.

— Че случилось! Че случилось! — орал завхоз, тараща малюсенькие глазенки. — У нас половину кирпича

сперли! Эй, признавайтесь, кому продали? Поди, ужрались водки. Ну-ка, здоровый, дыхни.

Завхоз подлетел к Простакову, сидящему на низеньком лежаке, схватил его за грудки и потянул вверх. Лехе ничего не оставалось делать, как подняться. Он и поднялся, при этом перехватив завхоза за грудки и отрывая его от пола.

— Дядя, ты меня больше так не дергай.

Поболтав ножками в воздухе, Михаил Афанасьевич немножко поостыл и, когда его поставили на место, медленно произнес:

— Прошу прощения.

Сибиряк принял извинения, ответив также корректной фразой: «Ничего страшного», и приготовился выслушивать необоснованные претензии далее.

— Если вы не пьяные и кирпич вы не продавали, то как вы могли так спать, чтобы не услышать, как его отсюда тащат?

Ануфриев, а за ним все остальные вышли на улицу. Действительно, кирпича поубавилось.

— Я ранним утром писать выходил, — сообщил Леха, — их уже было столько, сколько сейчас. Я думал, что мы столько за вчерашний день выработали.

Ануфриев тут же подошел к гиганту и постучал своим кулаком ему по лбу.

— Дубина, если бы мы за день делали по три тысячи штук, то ты бы уже был давно богатым человеком, зарабатывая деньги где-нибудь на стройках. Мы же вчера положили всего-навсего сто пятьдесят. Вашими кривыми руками больше не получается за один день. Но это мы поправим, — тут же обратился он к Михаилу Афанасьевичу, — если такая жрачка, то все будет нормально.

— Как хотите, давайте оставьте одного сторожа. Я думаю, вам сегодня еще подвезут стройматериал. Но теперь смотрите: если что-нибудь уйдет — то пожалуй-

юсь вашему комбату, пусть он вас наказывает. Деньги с вас там вычитает.

— Да че нам платят-то? Пусть хоть все заберет, — Валетов сплюнул сквозь зубы. — Че там за деньги-то такие, солдатские?

Завхоз подошел к самому маленькому из пятерки:

— Ты больно умный. Работаешь, наверное, меньше всех. Ешь больше всех.

— Он хорошо кушает, — подтвердил Простаков, — почти как я.

— Вот и я о том же. — Завхоз зло озирался вокруг: хорошо еще, что никто не видит всего этого позора.

Он не мог перенести, что со стройки своровали вначале доски, а затем и кирпич. Подозревать солдат — он подозревал, но никаких доказательств их вины у него не было. С другой стороны, как они могли так быстро найти сбыт? Они же вообще даже не знали, куда их повезут и зачем.

— В общем, мужики, не обижайтесь: еще раз отсюда что-нибудь пропадет — будете наказаны. На сегодня-то уж вам точно материалов хватит, а к вечеру будет еще. Давайте умывайтесь.

Резинкин с ведрами пошел к старому колодцу, из которого брали воду и для собственных нужд, и для стройки, с хорошим настроением и голубой мечтой о сытном завтраке. Только вот работать не очень-то хотелось.

— Если еще и денек жаркий будет, будем обливаться потом, — тут же спрогнозировал он. — Стремно.

Привезенного Евздрихиным брезента хватило и даже было с избытком, но кирпичные стены куда лучше брезентовых. Поэтому с утра решено было несколько сгладить до безобразия, которое учинили здесь работавшие до солдат алкаши.

Под четким руководством Ануфриева началось усовершенствование их жилища.

Дело в том, что жить в углу, где у тебя одна стена кирпичная и другая стена кирпичная, а третьей и четвертой нет вовсе и их заменяет брезентовый полотно, — не очень здорово. После завтрака — гречка с молоком — начали строить короткую шестиметровую стену. Клади толщиной в один кирпич.

Ануфриев продолжал изредка материть и пинать то Резинкина, то Валетова. Простакова он не пинал — боялся, только словами обходился, тем более что гигант старался и у них всегда было необходимое количество раствора нужной консистенции. Дело шло ни шатко ни валко. Тем не менее народ приноровился, и Ануфриев уже с удовлетворением отмечал, что можно оторвать глаза от работающего коллеги, сесть в тенечке — солнышко уже вышло и начало жарить, — спокойно покурить, попить водички и вернуться к обязанностям надсмотрщика. Он сам себе придумал такую работу и сейчас ею был доволен.

— Вы, — говорил он, сидя под стеною, — должны быть мне благодарны, вы приобретете еще одну профессию, а кроме того, в эти дни будете лопать хорошо, почти как у мамки дома. Так что старайтесь, но старайтесь медленно. Я хочу здесь досидеть до своего дембеля. Валетов, когда мне домой?

— Первого августа, уважаемый дедушка.

— Вот так вот, молодые, — оскалился Ануфриев. — Вова, хорош там с кирпичами возиться, иди сюда, посидим, покурим, у меня к тебе дело.

Какое там дело у одного наркота к другому, можно и не пояснять. Пройдет еще два-три дня, и ребятки начнут здорово ломать. После этого вряд ли кто-нибудь даст гарантию, что бойцы, которых отрядили на работы по возведению сарая для элитных свиней Шпындрюка, не учудят чего-нибудь нехорошего и не лишатся своей пусть тяжелой, но сытной доли.

За день была проделана колоссальная, по сравне-

нию со вчерашним приступом трудоголизма, работа. Утром стены еще не было как таковой, а к вечеру было уложено аж пять рядков.

Завхоз радовал работничков хорошей едой. Единственное, на что он сетовал, так это на отсутствие отхожего места. Солдатам приходилось бегать за дорогу в кустики, а с этим Михаил Афанасьевич мириться не мог. И вечером он предложил в среду заняться постройкой какого-нибудь примитивного сортира. На что ему возразили, упомянув о сроках и о необходимости успеть до того момента, как к Шпындрюку привезут свиноматку и борова.

— Ну ладно, — махнул рукой завхоз, — как хотите, можете посадки удобрять, только далековато топать каждый раз.

Простаков ковырялся палочкой в углях буржуйки:

— Мы каждый раз и не ходим далеко-то. Тут и так травка есть, которая подкормки просит.

Трое молодых разбили ночь по три часа на каждого. Им предстояло теперь дежурить и охранять стройматериалы, которых еще было достаточно. Кроме мешков с цементом, досок и кирпича, местных любителей дармовщинки могла привлечь и большая куча речного песка, предназначенного для изготовления раствора под кладку. И терять хотя бы частичку из этой кучи завхоз не хотел. Ему хватало и прежних двух случаев воровства. Он даже выдал от своих щедрот мощный фонарь на тот случай, если дежурившему потребуется разглядеть что-нибудь в темноте.

* * *

Фрол дежурил последним, под утро. Он сидел, зевая, на бревне. Потом стал ходить по полянке перед хлебом туда-сюда, дабы разогнать сон. Солнце уже взошло, но было еще прохладно. И его до такой степени клонило

ко сну, что он пощипывал себя за щеки и время от времени подходил к ведру, которое набрал от нечего делать, и умывался. Не было еще и семи, а с дороги к ним совершенно неожиданно свернул небольшой грузовичок и остановился рядом с хлевом.

Валетов вытаращил глаза и, даже не стремясь спрашивать, в чем, собственно, дело, кинулся под брезентовый полог, где растолкал Простакова.

— Леха, там какой-то мужик.

Леха понял, что Фрол сдрейфил, и, напустив на себя суровый вид, вышел на улицу. Водила выпрыгнул из «Газели» и стоял, позевывая.

— Ну, что вы смотрите? Давайте, помогайте мне животину сводить. Мне сказали, что здесь будут ждать.

— Чего ждать? — не понял Простаков. — Какую животину?

Фрол толкнул его в бок:

— Да это, наверное, свинью привезли.

— Свинью? Да где ж ее селить? Вы что, — громко обратился он к водиле, — свинью нам привезли, что ли?

— Да, подложить вот хочу, — усмехался водитель, — идите, гляньте в кузов.

Четвероногое серо-белое чудовище стояло, повернувшись к солдатам маленьким крючковатым хвостом.

— Во это ни фига себе, — разглядывая невероятной величины достоинства, произнес Валетов.

— Да, здоровые, — согласился Простаков. — И че, как же мы будем его сводить?

— Не знаю, — развел руками водитель, снял кепку, запустил две пятерни в голову и взлохматил волосы. — Я сегодня с трех часов на ногах, хлопцы, давайте чего-нибудь придумывайте. У вас есть где водички попить?

— Есть, есть, — отозвался Фрол, — вон ведро, чистая вода, колодезная. Вон чашечка стоит.

Мужик пошел утолять жажду, а Валетов с Простако-